

Александр НОВИКОВ

«Я вернусь в этот мир...»*

Биографическая повесть

Дед мой, Георгий Иванович Новиков, был ученым-химиком абсолютно европейского уровня. Одновременно он являлся «титановым» стержнем для нашей довольно разветвленной, сложной, интересной и во многом раздробленной нынче семьи. Плюс ко всему это — абсолютно самобытный, самостоятельно сделавший себя человек, который вполне почувствовал справедливость китайского афоризма: не дай вам бог жить в эпоху перемен.

Ему пришлось пережить и войну, и застой, и безумную горбачевскую эпоху, и последующий развал Советского Союза, и семейные дрязги, и неприятную ему пенсию «по возрасту», хоть и персональную. Плюс не самые простые отношения с отдельными коллегами, учениками, родственниками. Но это уже — мелочи.

Как пел его однофамилец, свердловский бард Александр Новиков:

О мой хребет сломали столько палок
И сколько, сколько вывезли воды.
Но все равно не крив он и не жалок...
У нас во всем с ним полные лады.

Не хочется про Деда писать по-научному фундаментально, объективно, серьезно и длинно. Для этого потребуются современный Лев Толстой и сертифицированный исследователь химии — в одном лице. Таких пока не наблюдается, несмотря на ко многому обязывающий Год науки-2017.

А вот попытаться объединить в одном тексте возвышенное и земное, науку и жизнь, драматическое и комическое — почему бы и нет?

Недаром же дед шутил, что неформальным гимном химиков считались строчки из романа на стихи великого князя Константина Романова: «Растворил я окно...»

Пусть эта скромная повесть-посвящение будет такой же легкой, ироничной и в то же время — логичной и серьезной, как и ее главный герой.

Сложная, конечно, задача...

**Вместо биографии,
или Старая история про то, как судьба играет человеком**

Вскоре после похорон деда в ящике его стола мы нашли запечатанный конверт. Там были, в частности, прощальные стихи — эмоциональная литературная автобиография. Но к стихам мы обратимся попозже, а начинать лучше с прозы, скупых биографических фактов.

* Журнальный вариант.

Георгий Иванович Новиков

Родился он в Саратове в 1924 году, там отучился в школе, оттуда же ушел на фронт. Не могу сказать, что подробно посвящен в эти страницы его жизни. Дед не любил и не умел жаловаться. А в его детстве и юности было очень много тяжелого и страшного.

Что тут скажешь? Голодное Поволжье... Мать, учительница, умерла, когда сыну было всего семь лет.

Недолго пробывший вдовцом отец, Иван Григорьевич, с новой женой и маленьким сыном метался по стране в поисках лучшей жизни. Но все равно возвращался назад — в «осточертевший, но родной» Саратов.

Наконец, подрастающий парнишка как-то незаметно стал лишним в семье. Воспитывала, кормила и следила за развитием его с десятилетнего возраста родная незамужняя тетя, полностью заменившая обоих родителей.

О своей тете Вале он всегда отзывался с огромной теплотой. Что неудивительно. Я ее никогда не видел, но дед прямо светился, когда про нее вспоминал. Уже незадолго до его смерти выяснилось, что была она очень даже непрестым человеком; приходилась близкой родственницей саратовскому губернатору.

Сегодня эта тетя Валя могла бы стать героиней сериала — на тему 30-х годов. Ее, белую кость, явного «врага народа», каким-то образом прогледели и... взяли работать секретарем-машинисткой в местное отделение НКВД. Там она, видать, многого насмотрелась. Думается, списки с именем гениального ученого Николая Вавилова, который погиб в саратовской тюрьме, она тоже печатала. И знала, кого они там убили.

Дед как-то рассказал такую историю. Когда тетя провожала его, добровольца, на фронт, то сказала странную фразу: «Ты, Юрочка, все правильно делаешь, по-другому сейчас никак. Но я бы на твоём месте еще немного подумала...»

Между тем дед уже в 1941 году, семидесятилетним, начал рваться на фронт. И несмотря на определенные проблемы со здоровьем, добился своего... Годом позже уже был на передовой.

О войне он в семейном кругу практически ничего не рассказывал. Хотя рассказать очень даже было что: он был тяжело ранен на Курской дуге, принимал участие в освобождении Беларуси, Витебска и Бобруйска — в частности, заканчивал войну в Прибалтике... А глубокий шрам под левой лопаткой от осколка немецкой мины, полученный под Курском, остался у него навсегда.

Но вместо пространных военных историй дед лишь несколько раз скупо ронял, что ничего хорошего об ужасе, крови и грязи сообщить не в состоянии. А плохого и без того в жизни хватает...

(В общем, его короткие военные истории — это уже тема для иных произведений, в духе жесткой фронтовой прозы.)

Показательно, что дед при всем этом частенько называл себя счастливецом. Наверное, потому, что удалось выжить, остаться человеком, заняться любимым делом — наконец.

Его еще совсем зеленым папаном тянуло к изобретательству. Вот и в действующей армии пытался внедрить миномет собственной конструкции.

Правда, миномет благополучно взорвался при первом же испытании. И счастье, что еще никто не пострадал...

В общем, когда ефрейтор Новиков дослуживал срочную в Прибалтике летом 1945-го, ему снова повезло. Командир полка подшучивал-подшучивал над своим горе-Левшой, но помог оперативно демобилизоваться и дал направление для поступления в Ленинградский государственный университет.

Приехал новоспеченный «дебель-абитуриент» в Ленинград, когда прием в ВУЗы уже закончился. Но «рекомендательное письмо из войск» сыграло свою роль. Так одним студентом-химиком в Ленинградском государственном университете стало больше.

Почему именно химфак ЛГУ? Просто этот университет в 1941 году был эвакуирован в Саратов. И интересующую наукой Юра (именно так, а не Жора и не Георгий, его звали в семье и среди близких людей) Новиков несколько раз оказывался на лекциях корифеев химической науки из Ленинграда. В частности, на «выступлении» своего будущего научного руководителя, академика Шукарева, которым бы тогда натурально очарован.

Выбор был сделан, оставалось войну пережить. В смысле пережить. Удалось. Дальше пошли сумасшедшая, как и у всего тогдашнего поколения, учеба и работа. Свой курс вместо положенных 5 лет вчерашний солдат-срочник Новиков закончил за 4 года.

Это можно назвать еще одним подарком судьбы.

Через год весь его курс — целиком, бросили на решение очередной секретной проблемы, то бишь на создание новой, усовершенствованной бомбы. О какой-то защите и опасности для молодых людей никто тогда не думал.

И вчерашние студенты после такой деятельности долго на этом свете не задерживались.

А дед, сэкономивший на учебе один год, вместо урановых и прочих разработок завоевал внимание ученого ленинградского ареопага и напрямую попал в аспирантуру.

Кстати, имел ведь возможность еще раз сменить свою дорогу. Судьба его словно испытывала на прочность.

Дед рассказывал, что его, без пяти минут аспиранта, как-то пригласили в кабинет декана химфака. Там сидел человек в сером костюме, стандартной наружности. При этом сам декан имел бледный вид и жался на стуле в своем кабинете, как обычный посетитель. Восседавший за массивным столом человек в сером быстро показал удостоверение сотрудника МГБ и завел стандартный разговор:

— Молодой человек, мы навели о вас справки. У вас замечательная биография. Фронтвик. Коммунист. Лидер по натуре. Талантливый специалист в своем деле. Органам и стране чрезвычайно нужны такие люди. Я предлагаю вам подумать над моим предложением. Вы понимаете, о чем я?

А что тут можно было думать, спрашивается? За отказ от такого «приятного предложения» можно было полатиться жизнью. Запросто. А свободой — так просто на три-пятнадцать.

К тому же в городе на Неве как раз раскручивалось печально знаменитое сегодня «ленинградское дело», стоившее тогда жизни многим высокопоставленным ленинградцам, в университете в том числе.

Дед нервно сказал, что польщен, но свою жизнь до сей поры видел прежде всего в науке. Товарищ в сером отечески попросил его не торопиться с выводами и предложил встретиться через неделю.

Могу весьма отдаленно представить, что чувствовал двадцатипятилетний парень, когда шел на эту новую встречу с воплощенной судьбой.

Однако «серый человек» в деканском кабинете одобрительно похлопал «претендента» по плечу и сказал:

— Знаете, молодой человек, все бы хорошо. Вы нам очень интересны. Но мы посоветовались... Понимаете, внешность у вас совершенно неподходящая. Вы прямо красавец, могли бы актером стать. Яркие глаза, военная выправка, рост, волосы роскошные. Мечта для барышень, театральных подмостков и кино. Но для нас как-то предпочтительнее, чтобы сотрудники были не такими заметными. Так что идите занимаетесь своей наукой, если она так уж вам дорога.

Что ж, история доказала, что в послевоенном Ленинграде хватало амбициозных юношей незаметной наружности, чрезвычайно полезных органам и стране, даже без Г. И. Новикова.

А Дед в итоге стал тем, кем и мечтал быть, — Ученым.

Сотрудник из МГБ был определенно прав в одном. Женщинам он (Дед в смысле) всегда нравился, но как-то не умел извлекать для себя большой практической выгоды.

По легальной семейной легенде, до появления на горизонте будущей законной жены Клары Васильевны у него случился жгучий студенческий роман с одной замечательной во всех смыслах ленинградской барышней. То ли из блестящей профессорской, то ли из еще более блестящей академической семьи.

Подпоющего надежды молодого человека там принимали уже как родного и составляли планы для его карьерного роста... Но девушка как-то расслабилась, не поняв до конца, с кем имела дело. Она произнесла в его присутствии примерно такой томный монолог: «Ах, Юрочка, блокада — это было так отвратительно... К нам никто не ходил. А один раз я просто чудовищно заболела: объелась шоколадом. Представляешь?»

Ее роскошный возлюбленный-фронтвик как раз представлял, что такое ленинградская блокада и вообще многое знал про голод. Поэтому он встал, по-солдатски быстро собрался и вышел в просторное ленинградское парадное. Больше в том элитном доме его не видели.

Возможно, потенциальный тесть мог даже какие-то пакости ему творить. Не суть. Деда было невозможно ни запугать, ни тем более купить. Он не искал простых, приятных, общепринятых путей. Ни в жизни, ни в науке.

В его научной карьере ведь тоже случалось всякое. Особенно сначала. Из-за неудачного, непродуманного эксперимента с ртутью, одобренного и санкционированного его научным руководителем, обожаемым академиком Щукаревым, дед в одночасье лишился своей роскошной каштановой шевелюры, которой позавидовал бы любой современный киногерой.

Занятие такой деятельностью определенно било по здоровью. Но на такие «мелочи», как отравление ртутью или работу с опаснейшим торием, он не обращал серьезного внимания.

В 42-го года дед уже стал доктором наук (что весьма и весьма рано для ученого, занятого фундаментальными научными исследованиями). В то же время в Питере дела у него шли «не так чтобы очень»...

Всем известно, что талантливым, незаурядным людям всегда есть кому мешать и завидовать.

Все по классике:

На короткой незаметной шее
Голове удобнее сидеть.
И душить значительно труднее,
И арканом не за что задеть.

Мешали, насколько можно было понять по скудным репликам, и ему. Задерживали надолго защиту кандидатской, а потом докторской, закрывали выстраданные научные проекты, наущничали и просто пакостили по мелочам.

В итоге от работы в Ленинградском госуниверситете он отказался — в пользу кафедры общей и неорганической химии Белорусского технологического института.

При этом афористично попорочился с городом на Неве: «Ленинград, конечно, великий город-музей. Но кто сказал, что всю жизнь нужно прожить в музее?»

Так что именно в Беларуси, в Минске, он создал серьезную научную школу, взрыхлил почву (пользуясь агрономическими терминами), осуществил посадки зерен-идей. Но настоящего урожая — того, на который мог реально рассчитывать, так и не дождался.

И вот эту тему нерезализованных идей (надеюсь, пока нерезализованных) хотелось бы затронуть подробнее, пусть даже отойдя от фигуры главного героя.

Водород и мирный атом. Из семидесятых — с приветом в наше время

В числе первостепенных задач белорусской энергетике Президент Беларуси Александр Лукашенко еще в конце 90-х годов определил поиск и внедрение альтернативных источников энергии, снижение зависимости республики от импорта энергоносителей и т. д.

Каким образом Беларусь могла выполнять такие пожелания? Ведь до сего времени история создания и использования альтернативного топлива в независимой Беларуси, БССР, да и во всем СССР, — это прежде всего история упущенных возможностей и трагедия подлинных ученых-одиночек.

Почему?.. Очень хороший вопрос.

Напомним несколько фактов. В семидесятые годы прошлого века *водородная энергетика* была самой модной темой в научном мире. Началось все с того, что фирма «Вестингауз» сумела убедить весь мир в том, что начинается энергетический кризис. И спасение «человеков и человечества» заключается в ускоренном создании энергетических ядерных реакторов.

Как афористично на эту тему высказывался превратившийся ныне в легенду академик Легасов: для капитализма характерно умение *организовывать потребности* людей.

Сказано — сделано. В мире тогда посчитали, что нефти хватит только на 20 ближайших лет, не более. И засуетились.

Президент Академии наук СССР А. П. Александров, будучи уже в 70-е годы человеком весьма опытным и мудрым, иронизировал: «Когда я был молод, говорили, что нефти хватит не более чем на 20 лет. А теперь, когда я уже совсем не молод, говорят все то же: через 20 лет нефть кончится!»

И все же 70-е были эпохой *оптимизма и эйфории доверия* к атомной энергетике.

Ясно, что атомные станции представлялись тогда той панaceей, которая гарантировала бы Sustainable Development — устойчивое развитие — цивилизация на планете Земля. Так любят и по сей день выражаться эксперты, заседавшие и заседающие в ООН, МАГАТЭ и во многих других престижных международных организациях.

Но разумные подсчеты показывали: атомная энергетика может обеспечить только 25 % энергетических потребностей человечества. Вот тут и появился на авансцене альтернативный энергоноситель — водород. Он всем казался хорош, беда была только в одном: для получения его в чистом виде требовалось затратить много энергии. Сразу вставала во весь рост *водородная экономика*, которую в СССР начали называть водородной энергетикой.

Про экономику же советскому народу Леонид Ильич Брежнев лишь успел сообщить-прошамкать, что она должна быть экономной. Все очень веселилось, помнится. А напрасно.

Как бы там ни было, процесс работы с водородом оказался запущен, и вот уже посыпались технические идеи, предложения, технико-экономические обоснования, возникли новые масштабные направления прикладной науки и т. д.

И эта — чрезвычайно перспективная — область привлекла внимание деда. Водород ему казался универсальным топливом будущего. На нем, сжиженном, могли летать самолеты, двигаться автомобильный транспорт и т. д. Теоретически все выглядело весьма привлекательно. Но получить водород в чистом виде и в нужных количествах оказалось необычайно сложно.

Его пробовали извлечь из *воды*, однако в воде атомы водорода и кислорода соединены удивительно крепко. Чтобы расцепить их связь, тратились невероятные затраты энергии, и водород становился «золотым». Требовались принципиально новые ходы.

В начале 80-х годов прошлого века в Минске, при Белорусском технологическом институте (ныне БГУ) была создана лаборатория, которая одной из первых в СССР начала заниматься решением этой насущной мировой проблемы.

Лаборатория вошла в мощную союзную систему, занятую вопросами водородной энергетике: Институт машиностроения и Институт атомной энергии (ИАЭ) в Москве, институты в Новосибирске и Свердловске и т. д.

В это же время у научного руководителя минской лаборатории, профессора Новикова, появилась оригинальная идея. У воды в химическом плане был своеобразный брат-близнец: сероводород. При расщеплении этого вещества, побочного продукта добычи нефти и газа, можно было получить и ценный водород, и довольно полезную серу.

Данная идея получила горячую поддержку у руководства союзной Академии наук. И в 70—80-е годы прошлого века знаменитый академик Легасов очень часто бывал в Беларуси, постоянно останавливался у нас дома (не считите уж за пустое бахвальство).

Дед был реально мощной, магнетической фигурой. На моей детской памяти, в нашей минской квартире за несколько лет побывали десятки ученых из Запорожья и Казани, Москвы и Иваново, Душанбе и Ленинграда и т. д.

Большая гостиная для них легко переоборудовалась из конференц-зала и столовой — в спальню. Дед сам продумал и внедрил конструкцию, благодаря которой диван с гостем «отгораживался» зеленой панбархатной перегородкой. Как шутили знакомые на сей счет: «В гостиной у Георгия Ивановича каждую ночь с дивана торчали разные ученые ноги, составлявшие цвет советской химической науки».

Торчали с него не раз и ноги академика Легасова. Он тогда курировал в стране атомно-водородную тематику, был настоящим любимцем и негласным наследником директора Института атомной энергии, президента академии наук Советского Союза Александрова.

Несмотря на специфику своей работы, Валерий Алексеевич прямо был заинтересован в развитии альтернативной («мирному атому») энергетике.

Нет, не так. Нужно уточнить как минимум один важный практический момент. У атомных электростанций есть свои особенности. У потребителей в течение суток, времени года и т. д. необходимость в электроэнергии колеблется: электричества днем нужно больше, чем ночью, а зимой больше, чем летом. В результате таких перепадов появляется так называемая провальная, невостребованная энергия. Атомный реактор ведь не горелка: захотел — подкрутил больше, стало слишком ярко — открутил обратно.

Логично, что источником энергии для производства вожделенного водорода из воды или сероводорода могла стать... энергия от атомных электростанций в тот самый, «провальный» период. Например, ночью. Так «убивалось» сразу два, если не три, зайца.

Кстати, именно поэтому по всему СССР термин «водородная энергетика» заменили на другое устойчивое выражение: «атомно-водородная энергетика».

Таким образом, Легасов — химик и физик-атомщик в одном лице, оказался в нужное время в нужном месте. Однако дьявол, как всегда, прятался в деталях, мелочах. На тему мелочей мы поговорим в главе «Система, которую нужно было менять».

А сейчас важно отметить еще одну особенность советских АЭС: в них использовались реакторы с так называемой положительной реактивностью. (По секрету скажем, что реакторов с «отрицательной реактивностью» на АЭС в принципе существовать не может.)

Это означало: после отключения защитной автоматической системы реактор мог пойти «вразнос». Разумеется, никому и в страшном сне не могло присниться ситуация, когда реактор работает при отключенной защите. Но именно так и произошло в Чернобыле в 1986 году. Там провели преступно глупый эксперимент: зачем-то отключили всю автоматику реактора; не «сбросили» вовремя специальные стержни, притягивающие нейтроны и способные в случае опасности погасить ценную реакцию.

Когда «экспериментаторы» очнулись, реактор уже вышел из-под контроля... Последствия известны.

В рамках этого затертого сюжета хочется отвлечься от персоны Деда еще раз и вместе с вами поспорить с принципом: «Незаменимых людей нет»...

Человеческий фактор-1. Легасов

Эта трагическая нелепость 26 апреля 1986 года смертельно ударила по академику Легасову и их проекту. Так всегда считал дед. За полгода до Чернобыля «академик Валера» (так его звали близкие друзья) как раз был поставлен куратором над всеми АЭС Советского Союза, но в курс дела, разумеется, вошел не до конца.

Будем так считать.

Когда Чернобыль рванул, Валерий Алексеевич был там на следующий день, получил сильнейшую дозу облучения, но... сделать ничего уже было невозможно.

В итоге все, начиная от тогдашнего президента академии наук Александрова и заканчивая президентом страны Горбачевым, сделали «крайним» именно его. Ровно через два года после Чернобыльской трагедии, 27 апреля 1988 года, академик Легасов покончил с собой, повесился в своей квартире.

Там были и какие-то проблемы с сыном — криминального плана, и остро прогрессирующая лучевая болезнь самого академика, и твердое ощущение, что его банально предали люди, от которых он такого не ждал.

С делом они создавались незадолго до страшного решения Валерия Алексеевича. О чем говорили — неизвестно, выдумывать — неуместно. Тогда начнется то, что в плохих романах принято называть «волей судьбы, роковым стечением обстоятельств» и т. д.

Дед факт разговора признавал, а деталей не раскрыл.

Если конкретно, то без идейного руководителя в Москве, обладавшего невероятными связями на уровне союзного правительства и ЦК КПСС, с последовавшим вскоре распадом республиканских связей водородная тематика закрылась, а уникальная лаборатория в Минске самораспустилась.

Не произойди всех этих чудовищных совпадений, интереснейшая научная задача, связанная с рентабельным получением водорода в промышленных объемах (из воды или из сероводорода, не суть), наверняка была бы решена в СССР, но...

История сослагательных наклонений не знает. Впрочем, на эту «оригинальную» мысль есть смысл взглянуть под другим углом. Но пока сделаем еще одну важную, системную остановку.

«Система, которую нужно было менять»

Советская и постсоветская наука заслуживает сатирического романа. «Сказка о тройке» братьев Стругацких уже есть, конечно. Но суть нового произведения вкратце может быть такова.

Да, были честные, идейные ученые, которые горели, думали о реализации своих научных планов и о том, чтобы принести пользу Отечеству. Таких было, кстати, не так и много. Имена их чаще всего благополучно забыты. Знаменитыми становились прежде всего вельможи от науки, эдакие министры-администраторы, умевшие обслуживать стареющих королей, — вот вам навскидку гениальный образ в исполнении Андрея Миронова в фильме «Обыкновенное чудо». Неудивительно, что дед этот фильм пересматривал по ТВ с завидным постоянством.

Такие ушлые ученые-администраторы умели добывать невероятные деньги под какие-то громкие проекты. При этом они понимали, что проект этот — пшик, фикция.

Но государственные мужи, выделявшие деньги, разбирались в физике и химии часто на уровне средней школы... И то крайне плохо. При этом они боялись показаться ретроградами. (Вот вам еще и вариация на тему сказки Андерсена «Новое платье короля»...)

И деньги для нужд громко заявивших о себе ученых сыпались как из рога изобилия.

Вот лишь один скромный пример.

Где-то в начале нулевых белорусский подвизник заявил об оригинальном изобретении. Он на крыше своего типового дома соорудил подобие фотонных батарей и заявил, что новое слово в науке — за ним. Мол, за счет солнечного

тепла комната всегда может быть теплой. Это дело тогда даже по ТВ показывали. Дед, посмотрев телесюжет, задумчиво сказал: «А что этому товарищу дадут солнечные батареи на крыше, даже если они будут работать? Мы же не в Ташкенте живем. Зимой солнце слабое, он замерзнет. А летом в его комнате на пятом этаже «хрущевки» и так жарко».

Отрадно лишь, что этот товарищ денег из бюджета выбить никак не смог. Во всяком случае, такой информации нет.

Но это — мелкомасштабная история. А что делать с теми эпопеями советской эпохи, когда люди заявляли: с нашей помощью будет обеспечена безопасность и благосостояние миллионов людей, срочно нужно госфинансирование. И оно часто появлялось. А ради чего?

Вот у академика Красина, последние годы своей жизни проведшего в Минске и занимавшегося вопросами водородной энергетики, а в пятидесятые годы руководившего Физико-энергетическим институтом (ФЭИ) в Обнинске, осталась нереализованной мечта: создание сети тепловых АЭС по всему СССР.

Красин получил за разработки первой в мире тепловой АЭС Ленинскую премию еще в 1957 году.

Но вот как этот «прорыв» оценивал Г. И. Марчук, ставший в итоге последним президентом Академии наук СССР, а в пятидесятые годы занимавшийся в ФЭИ численными методами расчета атомных реакторов. Горькие, хотя и довольно дипломатичные слова: «Жизнь в Обнинске не была безоблачной. В Физико-энергетическом институте образовалось два научных направления — реакторные системы на тепловых нейтронах и системы с более «жесткими» спектрами, на промежуточных нейтронах. Руководителем первого направления был директор института Андрей Капитонович Красин. К сожалению, он не вникал в глубину проблемы, столь сложной для того времени. Группа приближенных к нему ученых, достаточно компетентных, экспериментировала, считала, проектировала. Конечно, кругозор А. К. Красина был достаточен, чтобы видеть проблему в целом, но глубокого следа в науке он так и не оставил. Однако он обладал большими амбициями и довольно ревниво относился к другим направлениям».

Но если говорить про Красина, то это — искренняя, пусть и системная, ошибка, на которую имеет право любой ученый, большой и не очень.

У деду они тоже были, кстати говоря. В то же время его отличали энциклопедичность знаний и категорическое непонимание того, как можно сознательно ловчить на занятии самым святым — Наукой. Это для него было... как в храм явиться пьяным вдрызг, помочиться на алтарь, попутно устроив драку со священником.

Сам дед, по словам одного из его учеников, никогда не переставал учиться, не стеснялся начинать разбираться в проблеме, отталкиваясь от самых простых описаний и учебников. И при этом всегда добирался до серьезных монографий, с которыми частенько спорил.

Многие его коллеги ставили деду на первые места в белорусской химии в 70-х и 80-х годах прошлого века. И это тот случай, когда спорить с умными людьми не хочется.

А если серьезно, то если какие-то практические решения им предлагались, они были детально продуманы. К сожалению, не всегда они доводились до конца. Чего стоит все та же водородная проблематика.

Человеческий фактор-2. Легасов

Да, дед умел искать и «соблазнять» людей для воплощения в жизнь самых перспективных идей. При этом выскажем очередную крамольную мысль: большой вопрос, кто кому был полезнее, академик Легасов профессору Новикову или наоборот.

Их взаимоотношения — очень интересная тема. Вот только о Легасове в такой канве сложно будет сказать как об идеальном руководителе.

Как оценивают близко знакомые с работой их tandemа люди, Георгий Иванович заржал Валерия Алексеевича энергией общего Дела и заржался от него сам. Но они жили в разных городах и республиках. Слишком большой заряд на протяжении длительного времени обеспечить было невозможно.

Вокруг Легасова, к тому же, было полно других людей — с иным, зачастую сугубо потребительским отношением к науке.

Думается, это как раз они, увидев, что Валерий Алексеевич после апреля 1986 года начал стремительно терять свои позиции, голосовали против избрания фактического директора института атомной энергии... в его же ученый совет. Тем самым они подставили подножку вчерашнему кумиру, с визгливыми шакальими криками: «Акела промахнулся!»

Как после такого жить?..

Но до 1986 года было много событий, которые позволяют утверждать: Легасов взял на себя роль очень большого босса, организатора и «решальщика» вопросов водородной энергетики в СССР. Однако у него эта роль в результате не слишком задалась.

А можно ли было научную задачу, достойную Нобелевской премии, реально, причем оперативно, решить? И да, и нет.

Нет — потому, что в этой истории определенные товарищи из Академии наук СССР вели себя, как Лебедь, Рак и Щука. Тянули каждый в свою сторону.

Нужен был свой Курчатов, единый жесткий центр.

Объективно говоря, сам-то Игорь Васильевич ничего принципиально нового не открыл при реализации атомного проекта. Но он гениально связал воедино массу полученной разнородной информации со всего мира, предложенных коллегами, заимствованных и просто похищенных идей, чтобы обогнать время в СССР — и получить в итоге атомную бомбу. Причем за фантастически короткий срок.

Вот вам уникальная способность складывать единый пазл из массы мелких деталей.

Его циклопический, бронированный сейф с бумагами и разведанными по атомной проблематике был полон бумаг. Этот сейф круглосуточно охраняли brave автоматчики. И в этих экстремальных условиях решить сложнейшую теоретическую научную задачу сугубо практически, довести ее до конца было нереально сложно.

Помогло то, что гениальный организатор Игорь Васильевич Курчатов оказался при всем том прекрасно образован и очень умен. Обмануть его было невозможно по определению. (Почитайте любопытные воспоминания генерала Павла Судоплатова — его во времена перестройки за прежние подвиги, в том числе и на ниве атомного проекта, стали величать «Терминатором Сталина».)

К сожалению, у Валерия Легасова не получилось стать вторым Игорем Курчатовым. В цель били не кулаком, а растопыренными пальцами.

Объективно говоря, оригинальных идей в СССР 70-х годов было мало. То есть, они имелись, но... Почему-то проще и интереснее казалось воровать чужие, с «проклятого Запада». Лучшая в мире советская разведка ведь не зря работала и отработывала свои деньги.

На Западе, к примеру, в 70-е годы велись работы по серноокислотным циклам, полимерным электролизерам. Полученные по ним данные в итоге легли в основу мощных всесоюзных программ. У нас эта «горбатая гора» в итоге родила мыш, дед приобрел головную боль и ощущение, «как будто наелся чего-то злого».

Но об этом позже. А пока нужно сделать еще одно, отстраненное от основной линии, обобщение... Персонализированное.

Менделеевская линия

Говорят, короля играет свита, а великие ученые продолжают жить в своих учениках.

Все может быть. Хотя чрезвычайно уважаемый дедом профессор Менделеев запомнился потомкам отнюдь не гениальными научными исследованиями.

Менделеева сильно беспокоили судьба и будущее родной страны, поэтому он занимался не только наукой, но и общественной деятельностью, а также практической работой во всех сферах — военной, продовольственной, культурной.

Однажды в знак протеста против зажима студентов навсегда отказался от преподавательской деятельности в университете, где проработал аккурат 33 года. В благодарность за проявление характера и широту взглядов Россия его так и не сделала академиком, хотя попыток было две.

Один раз его забаллотировали коллеги. Академики-земляки сочли труды Менделеева недостаточно фундаментальными, слишком близкими к сиюминутным практическим нуждам.

Во второй раз, получив соответствующее предложение и будучи известным всему миру, он принципиально отказался сам. «При чем здесь Менделеев, и с какой стати ему столько уделяется времени в истории о профессоре Новикове?» — вправе спросить меня любой читатель.

А вот при чем. Во-первых, дед около 15 лет жил и работал на Менделеевской линии Васильевского острова города Ленинграда. Во-вторых, его квартира плавно перетекала в лабораторию, и этот «жилищно-научный комплекс» был буквально стенка в стенку с кабинетом самого Дмитрия Ивановича.

В-третьих... У нас дома хранится письмо, адресованное академиком АН СССР В. А. Легасовым президенту академии наук БССР Н. А. Борисевичу. В нем предлагалось профессору Новикова Г. И. избрать действительным членом академии наук БССР по отделению химии и геологии.

Результат — отрицательный. В ходе тайного голосования Новикова Г. И. забаллотировали.

Есть еще одна история. На Астраханском газовом комплексе была создана установка, призванная на практике реализовать оригинальную идею дед: получать водород и драгоценную серу из сероводорода.

Ожидаемый эффект от этого полновесного внедрения должен был составить 30 млрд. советских рублей — в масштабах СССР. Это — не домыслы, а строки из письма академика А. П. Александрова, директора Института атом-

ной энергии, президента Академии наук СССР. Письмо датировано 18 июля 1986 года и обращено опять же к президенту Академии наук БССР Н. А. Борисевичу.

Александров от лица своего института и себя лично поддерживает выдвижение Новикова Г. И. в члены-корреспонденты АН БССР.

Кстати, во второй половине 1986 года ИАЭ и его руководству очень даже было чем заниматься. После Чернобыля против них была развернута война и системная травля. Тем не менее, время на такое письмо в Минск нашлось.

Однако никакого эффекта оно не произвело. Деда вновь прокатили, делая ставку на своих, проверенные кадры. Тайное голосование позволяло творить на этих выборах любые чудеса.

Масгитные академики в Москве были сильно удивлены столь оригинальным выбором белорусских коллег. У деда за плечами было то, что можно и нужно называть своей научной школой.

Разумеется, его подобное отношение к себе «по национальному признаку» обидело. Хоть он и не подавал внешне виду. Сказал лишь резко: больше я в эти игры «в темную» не играю.

Так что определенные параллели в судьбах двух ученых имеются. Конечно, у Менделеева налицо просто планетарная слава. И она объяснима многими факторами. Открытия — да. При этом самым вредным человеческим качеством Дмитрий Иванович считал... скромность. Поэтому он умело выбивал деньги из правительства для своей лаборатории, получал и искал возможности становиться первопроходцем в самых разных научных направлениях. В частности, наблюдал солнечное затмение с воздушного шара и т. д. и т. п. Но возвращаясь к началу этой частной истории, констатирую... Как учитель Менделеев не создал и не оставил после себя пресловутой школы (в отличие от другого химика, А. М. Бутлерова — не столь раскрученного ученого, выражаясь современным сленгом). Несмотря на этот очевидный факт, целые поколения химиков всего мира в 20 и 21-м веках могут мечтать о том, чтобы считаться именно менделеевскими учениками. Так сказать, постфактум.

И что? А то, что у деда на рабочем столе (и дома, и на кафедре) под стеклом всегда хранилась маленькая периодическая система химических элементов с изображением Менделеева. (Он в раннем детстве казался мне, на портрете, Карлом Марксом и вызывал удивление в связи с отсутствием рядом других товарищей — Энгельса и Ленина.)

Так что с учителем, гуру для Г. И. Новикова, все относительно понятно. Но при этом у него была целая армия реальных, очень серьезных учеников. И про них нужно обязательно говорить.

Ученики — коллеги — друзья...

Каждый крупный исследователь, ученый, педагог — это особый мир, который сложно мерить при помощи обычных стандартов. Более того, часто большие ученые слишком заняты собой, своим положением, чтобы их не обошли молодые и не сбросили с парохода современности.

Они придумывают опасности для себя любимых и при этом становятся похожи на ревнивых стареющих жен. Или на знаменитого Охотника из фильма «Обыкновенное чудо», — человека, не занятого своим непосредственным делом, зато озабоченного сбором справок о собственном величии, а учеников откровенно презирающего.

Дед выбрал путь принципиально иной. Пожалуй, сократовский. Он со своими учениками готов был вести многочасовые увлекательные беседы, философские и культурологические в том числе. Многие из его аспирантов и докторантов стали ему истинными друзьями. К счастью, деду опять же повезло несколько больше, чем Сократу. Последнего, как известно, трети-ровали и довели до рокового суда люди из числа тех, с кем он некогда прохаживался в Ликейских садах. Но когда в Афинах изменилась политическая ситуация, кем-то пришлось жертвовать, а заодно объяснять, почему все так плохо. И Сократ оказался наиболее подходящей кандидатурой на роль жертвенного козла...

Деда на этом фоне можно, опять-таки, считать человеком счастливым. Он создал в БССР буквально с чистого листа серьезную научную базу, современную школу в части общей и неорганической химии. Вот лишь несколько направлений, где он выступал во многом первопроходцем и маяком в БССР, да и во всем СССР: высокотемпературная химия, термодинамика, кинетика и строение пареообразных многоатомных, полимерных и комплексных соединений.

Про его оригинальные, революционные для того времени, идеи по получению водорода было уже довольно сказано.

К сожалению, его тоже предавали, разочаровывали собственные ученики. Но это были все же случай единичные — скорее, исключения из правил.

Проблема не в отдельных персоналиях, а в том, что ему сильно не повезло с временем. Эйфория научных свершений 70-х сменилась постперестроечной апатией и депрессией. Да и ученые элементарно перестали обесценивать сносную жизнь.

Как там было в истории про лебедь с подрезанными крыльями, которую использовали в телерекламе в 90-е годы? «Кормить надо лучше, они и не улетят никуда...»

Кому-то из очень талантливых постсоветских ученых в девяностые годы пришлось уезжать из страны; кто-то менял род деятельности, начинал заниматься бизнесом и еще бог знает чем.

Кстати, учеников деда это коснулось в меньшей степени.

Его гордостью была и навсегда останется целая россыпь последователей. Согласно статистике, которая, как известно, знает все, дед выступил в этот мир 69 кандидатов химических наук, 9 докторов и профессором.

Впечатляющая география получается. Его ученики работали и работают в Беларуси, России, Украине, Таджикистане, Азербайджане, Китае и т. д.

Многие из них сами стали маститыми учителями, крупными фигурами на ниве науки и образования, встали во главе новых направлений. Достаточно назвать экс-ректоров Белорусского государственного технологического университета Ивана Михайловича Жарского и Могилевского технологического университета Олега Георгиевича Полячонка. Первого дед стал «пестовать», когда тот еще был его студентом, второго буквально «заманил» в БССР из Ленинградского университета.

Про Ивана Михайловича он часто с восторгом говорил: «Да мы с Ванечкой...»

Нельзя замолчать и такой простой факт: дед получил возможность работать в родном институте до последних дней, чувствовать себя востребованным и защищенным уже в весьма преклонном возрасте.

Бывало всякое. Когда в начале 90-х в республике на полном серьезе зашла речь о переводе преподавания сугубо на белорусский язык, он понимал, что

«не перестроится» и вынужден будет что-то предпринимать. Никакой ректор не заставил бы его, русского семидесятилетнего человека, изучать «мову наюна».

Он более чем серьезно говорил потом: если бы это произошло, я бы пошел в стеклодувы и вряд ли бы потерял в деньгах. Данным ремеслом дед филигранно владел еще с юности...

При этом ему было о ком заботиться, кого кормить и поддерживать — вплоть до самых последних дней.

Любопытная история связана также с его китайскими учениками. Еще во время работы в Ленинграде у деда было два аспиранта из Поднебесной. Но случился конфликт между Мао и Хрущевым, завершившийся военным противостоянием.

В итоге обоих молодых людей изгнали из страны победившего социализма в Поднебесную — буквально в 24 часа. Они только и успели, что оставить своему учителю четыре картины — удивительные вышивки по шелку. Называется эта серия философски — «Времена года» и учит тому, что все в жизни и природе меняется, но в итоге возвращается на круги своя. Они, эти картины, и сейчас висят у нас дома...

А уже в начале 90-х годов его китайские ученики, ставшие крупными учеными у себя в стране, нашли деда и пригласили его в Поднебесную, взяв на себя все расходы по приему... Он был неподдельно счастлив тогда. Ведь рассыпающаяся на глазах Родина способна была обеспечить лишь прожиточный минимум.

Итогом того дружеского взаимодействия с обретенными учениками, профессорами Ли Шао Чжунюем и Суй Юй Линем, стал выход в Китае фундаментальной книги Г. И. Новикова и И. М. Жарского — по физическим методам исследований. Разумеется, авторам ничего не заплатили. Такова оборотная сторона китайского экономического чуда. Но дело тут не в деньгах, а в нашем международном признании. Оно вот юанями и рублями точно не исчисляется.

Кстати, всего у деда при жизни вышло семь книг и учебников: на русском, белорусском и, соответственно, китайском языках. Они издаются и переиздаются и поныне.

На счету его порядка 600 научных печатных публикаций, около 60 официально запатентованных изобретений...

При этом сам дед относился к себе сурово, в духе великого Леонардо да Винчи, каавшегося незадолго до смерти, что так ничего не успел в своей грешной жизни.

Сам Г. И. Новиков в исповедальные минуты мог называть себя очень «хреновым» химиком. Но это перебор даже для подлинного человека Возрождения.

Если переходить на язык элементарной математики и взять его (деда) жизненную суть за 100%, то 90% жизни придется на работу... А все остальное — интриги вокруг него, женщины, дети, дача, литература, стихи, юмор и т. д. легко уложится в 10%. При том, что на долю научной работы в этом «ученом пироге» — приходилась примерно половина. А вторая половина — это уже педагогическая деятельность: студенты, аспиранты, докторанты, учебники...

Скажу откровенно — о его подлинной, стопроцентной роли в науке полноценно рассказать в этой повести не удастся. Тут бы разобратся слегка с этими десятью процентами...

Дед обладал колоссальной эрудицией, разбирался в подлинных основах не только химии, но и математики, физики, материаловедения. И умел

довольно оригинально пользоваться этим аппаратом, решая абсолютно конкретные задачи.

В то же время он прекрасно видел, с какими персоналиями ему зачастую приходилось работать. А ведь это были маститые академики. Один, к примеру, на полном серьезе продвигал проект добычи сероводорода из Черного моря, с закачкой озона для его переработки из озонового слоя. Был даже подготовлен расчет прокачки морской воды с глубины в 100 м (сравнимый со стоком Дуная)... И все этот циклопический объем планировалось качать через трубу высотой более 10 км, с диаметром у основания более 10 м...

Куда там проекты по повороту сибирских рек, это так — семечки. Были деятели, администраторы от науки, и помельче, но не менее однозные. Дед многих из них раскусил, но не роптал...

Других ведь зачастую не было. И он работал с тем человеческим материалом, который имелся. Причем добивался результатов; пусть и не всегда тех, на которые подлинно рассчитывал. Обмануть Природу оказалось невозможно. А в этом грехе (точнее, попытке согрешить) были повинны очень многие естествоиспытатели.

И дед на их фоне, с его незыблемым кодексом чести и почитания Науки, выглядел несколько наивно, как Дон Кихот Ламанчский. Или же просто банально раздражал большинство.

Московские «баловни судьбы»

Вот был когда-то такой известный российский академик, Владимир Дмитриевич Р., ныне уже покойный. На его могиле высится монумент с красивой эпитафией: «Все силы ума и души отданы науке».

Так вот, при жизни он смог со всей своей «силой ума и души» получить серьезное госфинансирование на реализацию плазмо-химической идеи получения водорода.

Суть этого метода: целенаправленно «вкладывается» ВЧ-энергия в ту связь молекулы воды, которая отвечает за Н-ОН, и молекула тут же рассыпается на кислород и водород. Изначально было понятно: энергия может уйти на разрыв связи, а может — просто на нагрев, давая на выходе так называемую VT-релаксацию. Разработчики говорили, что последняя будет в любом случае минимальна.

А потом стало совсем интересно: результаты, полученные при проведении элементарного статического эксперимента, «наложили» на результаты, полученные в динамике. Вообще-то, во всем мире это называется подлогом.

Но госфинансирование на решение заведомо провальной задачи было получено. Более того, за ВЧ-плазму академику Р. успели дать Государственную премию СССР, обласкать на всех уровнях.

А, извините за выражение, при Сталине ему бы, скорее всего, задали вопрос: «Вы преступник или дурак?» И отдали бы под суд.

Вместо этого в Гродно на ПГО «Азот» на стыке 70-х и 80-х годов построили новую плазменную установку. Когда запустили, получили реальный выход на уровне 12%. Абсолютно плачевный результат. Сколько денег было вложено в эту «музыку», страшно представить.

Сегодня можно спокойно рассуждать. Дед, принимавший участие в развитии этапа данной программы в Беларуси, банально обманули и использовали в такой, довольно мутной, схеме. Вот стояла опытная установка в инсти-

туте Курчатова. А что там внутри — непонятно. Да, химический уровень, за который уже в Гродно отвечал тот же Г. И. Новиков, был на уровне, извините за такой каламбур. Однако вопросы плазмы — это скорее уже физика.

И есть тут одна большая беда. Система физико-химической науки в СССР 80-х годов (и если бы только она) была зачастую порочна, фальшива. Карьеры и судьбы исследователей запросо ломались, если они были честны и отказывались написать: задача решена... в то время как ее решение на самом-то деле выглядело бесперспективно, и программу нужно было закрывать.

Но на кону стояли невероятные деньги, а с диссидентами-правдолюбями от науки («ученые-администраторы») церемонились еще меньше, чем с диссидентами от политики.

А диссидентом, ниспровергателем кумиров, дед никогда не был. Он при подобном развитии сюжета мог просто пожать плечами и отойти в сторону.

И был у него еще один зафиксированный «грех». Профессор Новиков какое-то время продвигал в жизнь сернокислотный цикл получения водорода. Не самая удачная была программа, что уж тут.

Говорят, его тогда еще раз ввели в заблуждение. Для начала в «Курчатнике» (название института Курчатова «для своих») поставили небольшую опытно-установку на 100 литров. И начали дед испробовать внедрением данной методики в БССР. Это была идея создания мощного сернокислотного монстра минимум на три тонны. В том же Гродно, кажется. Однако дед, обладавший быстрым аналитическим умом, элементарно просчитал: одна лишь термолитная часть (нагревание серной кислоты до 400 градусов и выше) создаст колоссальные экологические проблемы для целого региона. С одной стороны. С другой, можно было получить невероятное финансирование, а потом, на выходе, развести руками и сказать в духе Зоженко: «Пardon, мы, кажется, ошиблись».

Разумеется, Г. И. Новиков выступил против реализации этого убийственного проекта. И уже за это заслуживает уважения.

Вообще, он роль настоящего ученого «измерял» одной афористичной формулой: «Мудрец отличен от глупца тем, что мыслит до конца».

В чистой химии, по отзывам коллег, Георгий Иванович легко и быстро ориентировался. И обмануть его было нереально. Очевидно, многим это не нравилось и в результате могло стоить ему каких-то званий, наград, денег и т. д.

А знаете, что неправильного в этой главе? Вроде рассказываем историю и жизнь ученого, которого «обмануть нереально»... И тут же сетуем на то, как его регулярно «надували». На самом деле это — не противоречие, а своеобразная такая диалектика. Время объясниться.

К сожалению, интеллигентный, тонкий дед не подозревал, что в храме науки могли обречься не только серьезные ученые или квалифицированные инженеры, но и профессиональные «наперсточники», чья профессия — элементарный обман.

Простой пример такого шулерства приводил еще один его ученик, ставший свидетелем вопиющего околонучного безобразия. Когда при реализации электрохимической части сернокислотного цикла ничего не получалось (а до этого уже отчитались, что все готово), то на соответствующей установке в Москве просто-напросто запустили водород: из заранее заготовленного баллона — на выход, через тончайшую трубочку. И отчитались о блестящем практическом результате. (Выглядело все примерно как ловля рыбы в фильме «Бриллиантовая рука», организованная героем Папанова — Лёликом.)

Дед при этом эксперименте присутствовал, но подлога не распознал. Такого откровенного хамства он просто не ждал в храме науки, которым считался Курчатовский институт.

Но в конце восьмидесятых туда вовсю полезли всевозможные торговцы и менялы — с баулами наперевес. Выгонять их оттуда, из этого храма советской науки, было практически некому.

Наступало крушение системы, которое все эти проходимцы и подготовили — с необыкновенной энергией.

Впрочем, в конце 80-х и особенно в 90-е годы у Деда хватало других проблем, в том числе и личного характера. Например, по возрасту он был освобожден от заведования кафедрой общей и неорганической химии Белорусского государственного технологического университета. Правда, сохранил должность профессора: занимался преподавательской и научной деятельностью. У многих его коллег этой возможности не было, вертелись кто как мог.

Лихие девяностые и очень личное

Для деда это было ужасное время. Рухнули идеалы, за которые он реально проливал кровь во времена Великой Отечественной. Как-то он задумчиво и горько сказал в сторону, получив очередную «порцию правды» про советскую эпоху из журнала «Огонёк» в 1988 году: «Наверное, я зря прожил свою жизнь».

Но когда Советская власть рухнула, под своими останками похоронив многие судьбы и всевозможные начинания в науке, культуре и просто жизни, дед яростно возненавидел всех этих «прорабов перестройки».

Любимой его присказкой было то, как он с удовольствием приедет в Москву и будет аллодировать хотя бы гражданской казны на Красной площади Ельцина и Горбачева, разрушивших великую страну. Однако мечты так и остались мечтами.

Видимо, в то время дед собрал в себе много негативной энергии, которая стала спусковым крючком для появления его онкологического заболевания.

Можно провести, конечно, неуклюжие параллели между ним и Суворовым, обожавшим горячий чай и в итоге скончавшимся от рака желудка. Дед, кстати, именно такой, огненный чай тоже любил. Но при чем тут кипятик, к шутам?

У фельдмаршала было свое «постперестроечное время», когда его — при Павле I, вышлили из армии и отправили в пожалованное еще Екатериной кобринское имение. Никакие последующие успехи на закате карьеры, итальянские кампании, Чертов мост и прочее уже не смогли вернуть старому военачальнику одного — здоровья.

А у деда и успехов в преклонном возрасте было «несколько» поменьше, и возможностей для реализации своих грандиозных планов — тоже. Хотя...

Человеческий фактор-3. Нулевые-оптимистичные, или Научное завещание

Несмотря на то, что в одну реку дважды не входят, в нашей стране в начале нулевых годов попытались опровергнуть этот древний принцип.

Решение водородной проблемы в масштабах независимой Беларуси опять стало актуально. И профессор Новиков, переваливший уже 75-летний рубеж

и продолжавший заниматься наукой, преподавательской работой, домом и всем-всем, от чего бы голова пошла кругом у здорового молодого мужика, опять включился в работу. Такого жара от него уже мало кто ждал. Он реально помолодел, выпрямился, генерировал новые идеи. И работал, работал, работал.

К несчастью, решать сложнейшую проблему мирового масштаба без прежней материальной и научно-технической базы пожилому белорусскому ученому российского происхождения оказалось уже не под силу.

Хотя боролся он до последнего, феноменально мужественно. Когда окончательно слег и ему начали делать обезболивающие уколы «по часам», все равно продолжал писать ровным почерком на бесконечных листах формулы, которые показывал коллегам и ученикам, навещавшим его.

Самым тяжелым оказался момент, когда он уже не смог держать в руках любимую шариковую ручку. Тогда нам стало очевидно: ничего ужаснее, глупее и нелепее, чем бессилие перед своим Я, для человека, готового и способного перевернуть мир, нет.

Понятно, мы беседовали с ним в то время. Хотелось бы обобщить все услышанное тогда от деду и произвольно записанное.

Итак, в Беларуси нет своего сероводорода, получать сжиженный водород из воды сложно и дорого. И это потребует еще много времени, усилий и средств. Более того, не факт, что все эти затраты дадут отлучу. Вывод очевиден. Этой стране необходима *своя атомная электростанция*. Об этом дед говорил и пятнадцать, и двадцать лет тому назад.

Он настаивал на том, что нужно забыть все разговоры о возможности сотрудничества с Игналинской АЭС. По его мнению, «у литовцев их АЭС свой ресурс уже отработала, ее нужно перестраивать и тратить неоправданно большие суммы».

То, что в Беларуси сегодня строится своя АЭС, его бы сильно обрадовало.

Далее в республике — огромные *запасы древесины*. «Производители буквально мечутся и просто не знают, куда девать тонны опилок. Их сжигают, закапывают. И это при том, что древесина — прекрасное сырье для производства синтетического бензина, на котором могут работать двигатели», — говорил дед. Можно, по его мнению, поступать еще проще: делать из древесины спирт и использовать его в качестве топлива. Так решают вопрос в Южной Америке, но не у нас...

У нас все уперлось в менталитет. Мол, если так называемым винным спиртом завратить технику, топливо будет немедленно выпито, а движение транспорта парализовано. А если использовать в качестве топлива древесный спирт, то это приведет к увеличению смертности в стране в разы.

Между тем получаемый в процессе переработки древесины на гидролизных заводах республики *лигнин* — не столько отход, сколько еще один альтернативный топливный ресурс. Все это — своеобразное завешание профессора Новикова, ждущие своего полноценного исполнения.

Удастся его реализовать или нет — это уже зависит от современной естественной науки, в которой я лично слишком слабо разбираюсь, чтобы давать какие-то оценки.

Да, у республики есть еще *рапсовое масло* — очень любопытное начинание в сфере альтернативных энергоносителей. Но, насколько известно, этого масла не хватает в полном объеме даже для продовольственной сферы. Вернее, оно до сих пор не так востребовано, как могло бы.

Рассуждая рационально, становится ясно, что Беларусь не особо приспособлена для масштабного создания ГЭС, ветряных мельниц и солнечных батарей. Климат и ландшафт не позволяют, у нас по большей части — равнинная страна. И если на Немане сделать искусственные запруды (а такие планы были), то очень скоро он затопит все окрестные плодородные земли, а сам превратится в огромное болото. По такому пути пошли некогда в России, когда взялись за Волгу. В итоге Поволжье, родное для деду место, стало зоной экологического бедствия. Так что наращивать экспорт белорусской речной электроэнергии на Запад вряд ли удастся.

Что касается солнца и ветра, также рассматриваемых в виде альтернатив нефти и газу, то очевидно, что для масштабного получения энергии они не подходят. Республика Беларусь — отнюдь не жаркая, обдуваемая всеми ветрами пустыня. Можно реализовать пару локальных проектов, не более того...

Разумеется, он бы весьма горячо обсуждал актуальную нынче тему строительства АЭС в столь любимом им Гродненском регионе. Наверняка бы туда ездил и предлагал что-то от себя на перспективу. Думаю, тема атомно-водородной энергетики была бы им непременно поднята на шит. Но для реализации этой стратегии найдутся специалисты. Если не в нашей стране, то за ее пределами — точно. Политическая воля, и очень приличная, имеется... А это то, чего так часто не хватало профессору Новикову.

В масштабе СССР ему приходилось часто доказывать чиновникам от науки, что альтернативные источники энергии рано или поздно стране понадобятся, а нефть не вечно будет стоить, как газировка. Фундамент для решения задачи с получением альтернативной энергии такие люди, как мой дед, заложили, и очень даже серьезный. Так что все в итоге должно быть красиво...

Иногда я думаю с тоской, что ему катастрофически и совсем чуть-чуть не хватило времени. Он не раз, уже умирая, говорил: мне нужен хотя бы еще год.

Однако года ему никто не дал. Остается лишь верить в его подлинных учеников и последователей (пусть и не знакомых с ним лично), их способности и таланты в деле получения альтернативных источников энергии для Беларуси. Наверное, это было бы лучшим памятником профессору Новикову.

Юмор и слезы, куда без них

В романе Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» есть такая мысль. Самый замечательный, трижды распрекрасный человек без чувства юмора все равно будет выглядеть неестественно и глупо, как табулетка на трех ножках.

Поэтому для меня ценно выглядит воспоминание ведущего научного специалиста Курчатовского института Отто Григорьевича Лебедева: «*Георгий Иванович приезжал в Москву всегда рано утром. Он сразу шествовал к нам в крохотный кабинет, который занимали вдвоем — начальник лаборатории В. П. Бочин и я. Понимая, что после дальней дороги гостю надо подкрепиться, я хватал электрочайник, бежал к раковине, которая была в коридорчике, наливал в чайник воду и возвращался в комнату. У нас всегда хранился стратегический запас сахара, чая, печенья и пр.*

Г. И. уже сидел на моем стуле за моим столом и оживленно, в своей неповторимой полушутливой манере беседовал с Бочиним. Все было пре-

красно, но торс Г. И. совершенно закрывает от меня иттенсельные розетки. Я дождался паузы в разговоре, взял в руки вилку с проводами, протянул Георгию Ивановичу и сказал: "Все, что от вас требуется, — это воткнуть вилку в розетку". Георгий Иванович мгновенно парировал: "За что я вас люблю, Отто Григорьевич, так это за то, что вы умеете давать мне посильные поручения".

Когда он находился в комнате, легкий юмор всегда витал вокруг нас.

Помнится, дед был замечательным тамадой на всех семейных посиделках. Эта его роль никогда даже не обсуждалась.

Он был в центре внимания на деловых банкетах, фуршетах, а также заседаниях, симпозиумах и т. д. При этом чрезвычайно быстро реагировал на все, юмором мог как обласкать, так и уничтожить любого.

Дед как-то рассказывал, что в очередной День знаний 1 сентября взошел на кафедру БТТУ, возвысился над группой только что поступивших первокурсников и поздоровался. В ответ ему что-то невнятно буркнули, не приподняв «седалища» над своими скамейками даже на миллиметр.

Дальше дед произнес примерно такую речь: «Если вас приветствует преподаватель, вы должны встать и громко с ним поздороваться. Для вас это должно быть так же естественно, как мгновенно обделаться от ужаса, когда вас накроет смертельная опасность».

На своем дне рождения, когда ему исполнялось 79 лет, дед обрядился в роскошную профессорскую мантию, которой его удостоили в университете... И прочел слегка видоизмененные стихи уважаемого им поэта И. Иртеньева:

Меня зовут Георг Иванович,
Мне скоро восемьдесят лет...
Я не снимаю брюки на ночь
И не тушу в уборной свет.

Получилось эффектно...

А если учесть, что доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки БССР и заслуженный изобретатель СССР Г. И. Новиков блестяще знал Ильфа и Петрова, цитировал по памяти Салтыкова-Щедрина и Тургенева, стихи Пушкина, Блока и Апухтина (о последнем вам вряд ли скажут что-то путное 90% выпускников филфака — хоть Минска, хоть Москвы)...

Даже когда ему назначили курс химиотерапии в Боровлянах, он, понимая, что стоит у края бездны, бодро шутил с врачами: «Я всю свою жизнь занимался химией. Вот и у вас займусь».

Но этот курс химии его, по сути, добил. Из онкоцентра деда стремительно выписали домой, умирать на руках у нас, родственников.

Закат

Дед мой невольно прожил всю жизнь так, как это было предначертано в романе Михаила Булгакова: «Никогда ничего не просите, особенно у тех, кто сильнее вас. Придут и сами все дадут». Сегодня можно уверенно сказать, что все это были красивые слова, в которые вряд ли сам Булгаков серьезно верил.

Сейчас не хочется по-мешански жаловаться на тему, чего недодали деду как ученому и человеку при жизни и после смерти — про академические звания, премии, звезды, доски, улицы и прочее.

Да и не был он таким уж обделенным: доктор наук, профессор, завкафедрой на протяжении практически четверти века; Почетная грамота Верховного Совета, Заслуженный деятель науки БССР, Заслуженный Соросовский профессор, и т. д. и т. п.

Но иногда кажется странным вот что: неужели Беларусь так богата подлинными талантами и крупными учеными, что столь неординарный человек остается нынче в памяти лишь узкой группы специалистов?..

Заглядывая внимательно в прошлое, я неожиданно опять ощутил его счастливым человеком. Он ведь и сам на семейном торжестве, посвященном его 80-летию, сказал вполне отчетливо: «Я был счастлив всю жизнь хотя бы потому, что со мной рядом была моя любимая, которая никогда меня не предавала, и имя ей...»

Тут, правда, случился небольшой конфуз: бабушка важно подбоченилась, а дед не заметил этого и после красивой паузы выдохнул... Нет, не имя Клара, а столь важное для него слово — Наука. «Она стала для меня всем в жизни», — хорошо поставленным лекторским голосом резюмировал он. Бабушка буквально осела.

Мы с братом прыснули, глядя на эту пафосно-комичную мизансцену... и едва не вылетели из-за стола, почище пробки из бутылки хорошо охлажденного шампанского.

Вместо финала

Как уже было сказано, после смерти деда в его бумагах мы нашли конверт со стихами. Так он попрощался с нами.

Одно стихотворение, как выяснилось потом, оказалось не его. Оно принадлежит барду Г. Шангину-Березовскому, и дед его просто списал откуда-то.

Пройдите!
Зовет дорога!
Налево — в горы,
Направо — в порт.

Пройдите!
Еще немного —
Подымет крылья
Попутный норд!

Да будет
Над вами радость
И солнце
Весь путь светить!

А парус,
Мой белый парус,
Он будет следом
За вами плыть!..

Кстати, в силу своего невежества я эти строчки несколько лет считал оригинальным творческим завещанием деда. Поэтому на могиле у него стоит неотесанный камень из карельского гранита, с тыльной стороны имеющий форму паруса. На идею памятника натолкнули именно эти строчки.

Кстати, он в поэзии разбирался весьма и весьма прилично. Судите сами:

Откуда я? Оттуда, где Урал
 Глядит угрюмо в Северное море?
 Где финский предок на меня орал,
 Что я вахлак, полдец, живу для всех на горе?

Иль я с медальной польской стороны,
 Из той фартовой «Жечи Посполитой»,
 Что три раздела, тридцать три войны
 Пережила — и стала знаменитой.

А если чуть раскосые глаза —
 Татарин предок, тоже славный парень.
 А может, раньше был казах,
 Что пел в степи о конях и отаре?..

А может, я Есенина сосед,
 Рязанский парень, бойкий и не трус?
 И все ж я русский, мой в России след,
 Хотя не только русский, но и белорусский...

Буквально за неделю до ухода, с явным нетерпением ожидающий конца своих страданий, дед сказал, обращаясь к любимой дочери Лиде, да в общем-то, ко всем нам, Новиковым: «Знаешь, если ТАМ что-то такое в самом деле есть, то я буду обязательно там заниматься химией и попрошу... Ты понимаешь... за вас всех... Я вас очень и очень люблю».

После таких слов продолжение этой повести уже как-то неактуально. Хочется лишь ее закруглить — с помощью удивительного писателя Нодара Думбадзе. Не так давно случайно попала на глаза его цитата, пронзительная и прозрачная, подходящая здесь... Ну как свежее холодное пиво для похмельной головы: *«Я вернусь в этот мир, вернусь в другом обличье — деревом, травой, птицей, собакой... И всегда я буду с тобой!... Я никогда не оставляю тебя одного! Знай, что бы тебе ни доставило тепло и радость, — будь то даже простой камень, — это буду я, твой старый дед».*

Собственно, все... Летопись закончена моя, как говорилось в другом, очень достойном тексте.

Р. С. Отдельно и от всей души хочу поблагодарить за помощь в обуздании специфической и недоступной для меня присутствующей в тексте химической части сотрудников Курчатовского института — учеников, единомышленников и друзей деду — Д. Ю. Харитонову и Е. И. Гуцевича; а также О. Г. Лебедеву, с которым Г. И. Новиков часто контактировал в научной работе в 70-е и 80-е годы прошлого века. Надеюсь, я не сильно переврал ваши мысли?..

